

было? — Не было, потому что природа существует только для того, кто умеет ее видеть, а умеет душа просвещенная. — Природа была для тогдашнего помещика то же, что она теперь для мужика и кушца. — А как они смотрят на природу? Мужик видит в великолепном лесе — бревна и дрова; в бархатных лугах, *эмальированных* цветами, — сенокос; в прохладной тени развесистых деревьев — что хорошо бы тут положить под голову полушубок и соснуть, да комары мешают. А купец видит в лесу, шумящем столетними вершинами, — барошны доски или самовар и круглый пирог с жирной начинкой, необходимые принадлежности его загородного наслаждения, в *сребристом источнике, гармонически журчащем по златовидному песку*, — что хорошо бы его запрудить плотиной, набросавши побольше хворосту да навозу, да поставить тут мельницу и получать бы пользу. После этого есть ли для них природа? Потому-то и Сумароков населял свои экологические сомнительными существами пастушков и пастушек, что нечего было взять из сельской сущности, потому-то и для наших старинных помещиков природы совсем не было». ¹¹⁵

Приведенное высказывание интересно во многих отношениях. Мемуарист противопоставляет свое поколение, воспитанное на литературе сентиментализма (характерны выделенные курсивом слова!), помещикам середины XVIII в. Вместе с тем у Дмитриева отчетливо выражено представление о превосходстве образованного, «чувствительного» дворянина над кушцом и мужиком. Соответственно и эстетическое восприятие природы оказывается у него элитарным, доступным только утонченной натуре. Ограниченность этого взгляда, нашедшего известное отражение и в литературе сентиментализма, была свойственна, однако, далеко не всем.

Интересны, в частности, упоминания В. В. Измайлова о том, как он пытается приобщить «своих людей», то есть слуг, к наслаждению природой. Он спрашивает их: «Видите ли, как прекрасно льются струи сего прозрачного ручейка? Слышите ли, как сладко поет соловей?» ¹¹⁶ Несколько далее он рассказывает, что слушал пение соловья и «люди» вздохнули вместе с ним «из глубины сердца». ¹¹⁷ Подобные проявления «чувствительности», с точки зрения Измайлова, приближают к «умеренной роскоши», «которая хочет заниматься изящным, наслаждаться Природою, книгами, мечтами и всеми благородными страстями нравственности». ¹¹⁸ Разумеется, сословные различия для Измайлова сохраняли при этом первостепенный характер: ему тоже в высшей степени присуще сознание своей элитарности по сравнению с «людьми». Но как бы ни была далека эта позиция от подлинного

¹¹⁵ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти, с. 15—16. Курсив М. А. Дмитриева.

¹¹⁶ Измайлов В. В. Путешествие в полуденную Россию, ч. 1, с. 7.

¹¹⁷ Там же, с. 32.

¹¹⁸ Там же, с. 206.